

Shirotori

По ту сторону: Цена счастья

18+

Shirotori

По ту сторону: Цена счастья

«Автор»

2026

Shirotori

По ту сторону: Цена счастья / Shirotori — «Автор», 2026

Тан'Кай — жемчужина в ожерелье миров, скованных древней цепью порталов. Но ныне по этим связям струится не свет созидания, а яд первородной тьмы. Древнее зло, веками таившееся в тени, наконец? сбросило маски, заставив мир содрогнуться. Пока привычный порядок рушится, главным героям предстоит пройти через испытания, где цена каждого ответа — их собственные жизни. Смогут ли они вырвать истину из когтей наступающего хаоса? На перекрёстке гибнущих реальностей сошлись те, чьи имена шепчут с трепетом — сильные мира сего. В их руках ключи от врат и судьбы миллионов, но в их сердцах — лишь жажда власти и старые обиды. Станет ли этот роковой союз хрупким щитом или же их гордыня нанесёт последний удар, превратив великую встречу в погребальный костёр для всех сопряжённых миров? Когда порталы дрожат под натиском бездны, выбор между компромиссом и катастрофой становится единственным путём к спасению или к окончательному падению во тьму.

© Shirotori, 2026

© Автор, 2026

Shirotori

По ту сторону: Цена счастья

Персонажи:

Кайсун Хоэн – «*сильное пламя*», «*ярко горящий как солнце*». Видный Лорд провинции Шин'Кай с острым взглядом. Наследовал свои титул, таланты и обязанности от отца. Умён, сдержан, справедлив и не терпит давления власти. Однако, в глубине души скрывает ранимость и страх потерять близких. Считает долг выше личных желаний.

Ая Хоэн – «*изящный узор*», «*чудо*», «*знак свыше*». Молодая девушка с тихой, трепетной красотой, тёмно-русыми волосами и ясными, внимательными глазами. Обладает природной музыкальностью и магическим чутьём. Мужественно переносит удары судьбы, но всегда ищет гармонию и возможности помогать другим. Её доброта и мечтательность трогают даже самых строгих.

Водяная леди – (*известен лишь псевдоним*) давняя знакомая Кайсуна, управляющая его борделем. Высокая, с длинными зелено-синими волосами, колышущимися словно волны. Голос ласковый, манящий. Обладает властью затмевать разум смертных, но в её сердце живёт тоска по утраченному времени.

Хирон – «*мудрый наставник*», «*защитник*». Молодой мужчина с белоснежными волосами. Его черты лица тонкие, взгляд пронзительный, но чаще всего спокойный, даже отстранённый. Он носит одежду тёмных, невзрачных тонов, чтобы растворяться в сумерках, мастерски владеет приёмами скрытного передвижения, ближнего боя, шпионажа и маскировки.

Императорская семья Дрейгард – производное от «дракон» и «страж», фамилия древняя, символизирует могущество, защиту и древнюю династию драконов.

Император Ронан – «*морской лев*». Грозный и мудрый правитель, обладающий врождённым даром держать империю в железной хватке, но не лишённый чувства справедливости и эмпатии. Олицетворяет силу рода и его историческую связь с драконами.

Императрица Илария – «*весёлая*», «*жизнерадостная*». Блестящая хозяйка дворцовых приёмов, искусная интриганка и хранительница семейных секретов. Яркая и обаятельная, с завидной мудростью, но за внешней мягкостью скрывает внутреннюю силу и железную волю.

Рюджин – «*дракон-бог*». Старший наследник, главный воин и полководец Империи. Обладает способностью превращаться в дракона, внушает страх врагам и уважение армиям. Лидер по природе, вспыльчив и не прощает предательства. Является воплощением силы фамилии Дрейгард.

Селеста – «*небесная*». Старшая принцесса; восхитительная красавица, чья красота пугает и чарует. Хитрая, расчётливая, мастерски ведёт дворцовые интриги. Несмотря на отсутствие прав на трон, умеет влиять на судьбу всей династии. Влюблена в Кайсуна, готова идти на многое ради своей любви и власти.

Саймон – *«услышанный Богом»*. Второй принц; высокий, светловолосый, элегантный. Политик и дипломат, отличается сдержанностью и склонностью к компромиссам. Регулирует внутренние дела и отношения между провинциями, славится справедливостью и внимательностью. Скрытно обладает собственным взглядом на судьбу Империи.

Айран – *«воздух»*. Младший наследник; очаровательный любимец праздников, жизнерадостный и легкомысленный. Ближе к народу, чем другие члены семьи, щедро тратит деньги и время на развлечения. Прирождённый авантюрист, легко вступает в сомнительные сделки и с удовольствием использует своё положение ради личной выгоды.

Ланеида – *«тончайшая нить желания»*. Подруга детства Кайсуна; юная суккуб с тёплой и лукавой улыбкой, её движения – гибкие, кошачьи, плавные. Демоница буквально излучает энергию жизни: обаятельна, остроумна, обожает внимание и искусно его привлекает. Отлично чувствует перемены в настроении окружающих, любит высшее общество за его непостоянность, помпезность и радикальность.

Танир – *«щит вечной ночи»*. Друг детства Кайсуна; исполинский демон с мужественным обликом: высокий, плечистый. Он – воплощённая надёжность и спокойствие; немногословен, предпочитает слушать, нежели говорить, умеет быть незаметным, а при необходимости твёрдым, решительным защитником. Демон добродушен, ценит преданность и честь.

Лелай – *«песнь ветров»*. Юная демоница из забытой деревушки в Диколесье с озорной улыбкой, ловкая и быстрая, словно ветер. Склонна к проказам, но не обидчива и всегда готова постоять за справедливость. Дерзкая, решительная, искренняя и порой упрямая до невозможности. Она не боится открыто отстаивать своё мнение, особенно если речь идёт о безопасности родных.

Азарих Верен – *«огненный глаз», «непоколебимый»*. Верховный Командир Активных Операций Омра-Акхаэль. В его подчинении находятся все оперативные отряды мракоборцев, отвечающих за обнаружение и задержание мороков, проклятых или запрещённых вещей на территории Империи. Холоден и бесстрастен, крайне предан своим идеалам и учениям Ордена.

Таро – *«старший сын»*. Годы, проведённые в поместье и забота Аи, сделали его надёжным и ответственным молодым человеком. Во время отсутствия главы семейства дома, присматривает за владениями, проявляя организованность и верность. Отличается искренностью и лояльностью к тем, кто ему дорог, как и стремлением заслужить доверие старших.

Аластор – *«дух мести»*. Личный слуга императора – мужчина средних лет, чьё лицо почти всегда остаётся безэмоциональным и непроницаемым. Его манеры безукоризненны, а слова взвешены и точны. Обладает холодным расчётом и способностью манипулировать событиями в свою пользу.

Шийрин – *«сладкая», «милая»*. Ледяная ведьма, обладающая пугающей внутренней силой и редкой эмоциональной сдержанностью. Часто кажется равнодушной, но за хладнокровием скрывается сложный внутренний мир и тяжёлый опыт.

Вальмазер Тарлак – *«сильный господин»*. Властный и суровый представитель Омра-Акхаэль, что признаёт только могущество, не терпя слабости ни в себе, ни в других. Его харак-

тер суров, решения – категоричны. Он способен идти на риск и приносить в жертву всё, что потребуется, ради достижения своих целей.

Трайлан Гроггерт – «*тот, кто ищет истину*», «*грохочущий*». Безусловный фанатик науки, полностью отдаётся исследованиям, забывая обо всём на свете. Может быть раздражительным и нетерпеливым. Совершенно не заботится о статусе или власти – для него важнее знания. Склонен к тираническим вспышкам, порой из-за увлечённости выглядит не от мира сего, часто бормочет себе под нос что-то. Умеет обжигать речи страстью настоящего исследователя, способен зажечь в других интерес к науке – или оттолкнуть своей одержимостью.

Лантриан Вассар – «*сияющий*», «*повелевающий*». Один из Столпов (верховных лидеров) в ордене Омра-Акхаэль, руководитель операции по созданию порталов в мир мороков. Жестокий, дисциплинированный и решительный, презирует слабость. Его девиз: цель оправдывает любые средства. Отличается холодным умом и способностью манипулировать демонами. Его боятся враги, а ближайшие соратники ещё сильнее.

В утренней полутьме дворцовых апартаментов, насквозь пропитанной усталостью прошедшей ночи, император Ронан сидел, нервно постукивая пальцами по подлокотнику трона. За ночь его лицо стало ещё жёстче: глубокие морщины залегли вокруг глаз, усталость и досада полыхали во взгляде, пока незваные гости, выдвинувшие обвинения, во главе с Вальмазером Тарлаком, ждали его решения. Главный зал дворца будто застыл во времени. Величественные, но холодные мраморные колонны поддерживали своды, уходящие во мрак, тяжёлые гардины приглушали свет снаружи. Здесь, на пороге выяснений, практически физически ощущалась тяжёлая, вязкая напряжённость. Каждый вдох отзывался в груди сухим стуком, а взгляд встречался с настороженными лицами, будто участники сцены ждали, когда в воздухе что-то неведомое сорвётся с тонкой невидимой нити. Глаза одних присутствующих были полны настороженности и даже страха, пока другие старались сохранять показное спокойствие, пряча волнение за масками достоинства и сдержанности. Мракоборцы, облачённые в строгие одеяния тёмных цветов, стояли собранно и статично, словно каменные статуи, их взгляды цепко следили за дверьми и реакциями окружающих.

Император долго колебался – он чувствовал на себе усталый, почти обвиняющий взгляд жены. Всё внутри Ронана жаждало отпора: выдворить чужаков и восстановить привычный порядок. Но долг и разум всё же взяли верх. Он медленно вдохнул и, будто вынеся приговор, произнёс:

– Привести сюда Кайсуна и Аю. – С этими словами он откинулся на спинку трона, тяжело обессиленно вздохнув.

Исполнять волю императора отправился Рюджин. Его шаги по пустым коридорам были отрывистыми, движения – неуверенными. В душе принца царил круговерть сомнений и тревоги. Он знал: если бы только Ая захотела – сейчас, в его сопровождении, они могли бы бесследно исчезнуть. Все ходы к отступлению были просчитаны – стража Рюджина была надёжной и преданной ему. Он остановился перед дверьми, глубоко вдохнул и почти решительно постучал.

Ая и Кайсун были собраны, словно бы они уже ждали его визита. На их лицах – не тревога, не страх: удивительное спокойствие и внутреннее согласие встретить грядущий суд.

– Всё готово, – едва слышно сказал Рюджин, сдерживая дрожь в голосе. – Я могу провести вас через боковые ходы, никто не заметит. Сейчас – лучший момент уйти. Я всё устрою.

Лицо Аи озарила лёгкая, почти печальная улыбка. Она покачала головой:

– Нет, Рюджин. Это не выход, – мягко, но твёрдо, произнесла она. – Если мы уйдём, то только подтвердим их подозрения. Настало время встретиться с врагом лицом к лицу...

Кайсун положил руку на плечо принца. В его глазах было столько же твёрдой решимости, сколько неразделённой братской поддержки:

– Мы были готовы к этому. Доверься нам, брат. Мы выдержим и это. Главное – что ты будешь рядом.

Рюджин опустил взгляд, кулаки сжались, в душе бушевал взрыв боли и страха за них. Но он выдержал этот натиск и, не отвечая, кивнул. Согласился, даря им свою нерушимую поддержку, даже если сердце вопило об опасности этого решения.

В то же время император не сводил глаз с группы мракоборцев, понимая – ситуация вот-вот вырвется из-под контроля. Рядом с ним напряжённой тенью сидела императрица; её руки были плотно сжаты, и только редкое движение тонких пальцев выдавало волнение. Она и сама не раз видела, как на Аю реагировали зачарованные кристаллы, расставленные местами во дворце, но почему-то лишь сейчас предчувствовала странную тревогу по этому поводу.

Главный зал заливало грозное молчание, когда яркий холодный свет от кристаллов мракоборцев разнёсся по воздуху тревожным голубым волнением. Вальмазер Тарлак стоял прямо, как стрела; его взгляд был словно лезвие, каждый жест – продуман до мелочей. Остальные мракоборцы переглядывались с императорской семьёй; тягучее напряжение завораживало, напоминая затишье перед свирепым штормом.

Кристаллы мракоборцев неожиданно вспыхнули голубым светом, будто отзываясь на нечто потустороннее, заставив всех вздрогнуть. Двери зала скрипнули, и внутрь вошёл Рюджин. Его походка была твёрдой, но чуть замедленной – будто он до последнего пытался обдумать иную развязку, нежели та, что предстояло пережить. За его спиной, двигались Кайсун и Ая. На их лицах не было ни страха, ни растерянности – только усталая, исчерпанная готовность встретить судьбу открыто. Зал наполнился напряжёнными шорохами. Мракоборцы слегка сдвинулись вперёд, кто-то даже перехватил оружие на поясе, повернувшись лицом к вошедшим.

Рюджин вёл себя сдержанно, но в его походке была видна внутренняя борьба. Он умышленно шагал чуть впереди, чтобы предотвратить любые необдуманные действия с вражеской стороны, бросая беглый взгляд в сторону Вальмазера.

– А вот и морок... – произнёс он будоражающим тоном, сделав шаг вперёд.

Ая посмотрела в глаза каждому из мракоборцев чуть задержавшись на Тарлаке. Её голос прозвучал удивительно спокойно, – ни один мускул на лице не дрогнул:

– Не стоит судить книгу по обложке... Иначе рискуете никогда в жизни не прочесть историю, способную изменить вашу судьбу. – Сказала она с ехидной улыбкой.

– Смейся, пока можешь, монстр. – Слова Вальмазера прогремели на весь зал. Он поднял посох с кристаллом на конце и направил в сторону девушки. – Но не забывай, что я могу убить тебя в любой момент.

В этот миг над залом нависло ожидание грозного удара. За спинами императорской семьи задрожал воздух, обрушивая на всех мощь династии. Императрица судорожно перебирала складки платья от волнения, пока Рюджин стоял чуть впереди почти в боевом напряжении, а Кайсун мягко заслонял девушку рукой от врагов. В фиолетовом мареве зачарованных кристаллов сердца всех в зале заколотились сильнее: вот-вот должна была решиться не только судьба одной девушки, но и хрупкое равновесие всего Тан'Кай.

Ронан, тяжело подавшись на троне вперёд, хмуро бросил, прорезав воздух своей тяжёлой аурой:

– Допрос будет проводиться здесь, на глазах у всех. Я лично уже удостоверился в том, что Ая не имеет с мороками ничего общего, потому не позволю разгораться новым слухам о её пребывании в потустороннем мире. Вы пришли задать ей вопросы, чтобы и самим убедиться в этом, потому задавайте, и более никто не посмеет усомниться в её искренности, как и навредить ей.

Поддерживаемая одним лишь взглядом Рюджина и молчаливой поддержкой Кайсуна, Ая стояла спокойно, словно вся тяжесть ожидаемого суда не могла поколебать её внутреннее рав-

новесие. Она смотрела Вальмазеру прямо в глаза, излучая жгучую уверенность. Тишина становилась всё гуще, напряжение – почти невыносимым, но в этом хрупком моменте чувствовалась безмолвная солидарность одних, тревога других и невидимая, но прочная связующая нить между тремя стоящими друг за другом фигурами. Всё внимание зала было приковано лишь к тому, как развернётся то, что приготовил новый рассвет.

В зале затихло всё – даже время будто задержало дыхание. Взгляд императора, полный величия и усталой решимости, парил над собравшимися, придавая сцене суровую торжественность. Ронан, восседая на троне, молча уверял: решения здесь приносят не страх и не ярость, а долг и справедливость. Вальмазер Тарлак медленно повернулся, словно разглядывал загадку, уготованную ему судьбой. Его глаза, холодные, пронизательные, неотрывно следили за Аей. В его лице боролись подозрение, властность и, едва заметно, опасение – девушка явно была не такой, как все. Она стояла, выпрямившись, в мерцающем голубом круге света, словно статуя, которую хотят развенчать или вознести.

– Я согласен, – наконец, произнёс Тарлак, голос его разнёсся, будто удар гонга. – Однако, при условии, что девушка подойдёт ко мне на расстоянии вытянутой руки. Я должен проверить всё, что покажется мне подозрительным...

– Только если вы уберёте свои кристаллы, – с угрозой и стальной решимостью возразил Кайсун. Его голос разрезал воздух, вибрируя как натянутый лук. – Пусть остальные тоже отойдут, иначе, клянусь, я отправлю каждого из вас изучать загробный мир самостоятельно!

В этот миг зал будто содрогнулся – у присутствующих мурашки побежали по спинам даже без участия магии. Все понимали: для Хоэна эти слова не были пустой угрозой. Его авторитет был очевиден – охотники, славящиеся бесстрашием и суровостью, впервые за долгое время почувствовали себя уязвимыми. Несколько мгновений стояла тяжёлая, напряжённая пауза, а лицо Вальмазера отразило удивление и азарт – он как охотник, наконец, встретил равного соперника. «Как девушка могла столь сильно повлиять на хладнокровного спутника и принца – защитника? Не воля ли морока говорили в них таким отчаяньем?» – эти мысли крутились у него в голове.

Однако Тарлак не давал слабину. Лёгким движением он отдал посох с зачарованным кристаллом ближайшему охотнику. И своим властным, коротким приказом заставил мракоборцев отойти назад. Пространство перед тронем опустело, все взгляды устремились к четверым в самом центре зала: Вальмазеру, Ае, Кайсуну и Рюджину, пока свет кристаллов продолжал мерцать в складках расшитых накидок охотников.

Азарих стоял всё это время чуть в стороне. Его чёрные глаза наблюдали за происходящим спокойно и внимательно; на устах играла едва заметная улыбка. Его выражение было непроницаемым, пропитанным то ли гордостью за друзей, то ли трепетом перед неминуемым испытанием. В пустоте и гулкой тишине Кайсун приблизился к Вальмазеру с Аей за спиной и Рюджином, как несгибаемым щитом, сбоку. Тарлак на долю секунды изучающе посмотрел на Кайсуна, а потом склонил голову к Ае. Он всматривался в неё будто насквозь, пытаясь разглядеть то, чего не осилить обычному взору.

Тишина в зале стала вязкой, как туман перед рассветом: ни один из придворных не отважился нарушить затишье, в котором столкнулись страх, ожидание и любопытство. Голубое сияние кристаллов не угасало, и тревога, словно невидимый морок, продолжала кружить под сводами. В самом центре, на равных, остановились Ая и Тарлак. Они смотрели друг на друга – настойчивый, испытующий взгляд мракоборца и спокойная честность девушки, будто две противоположности, встретившиеся в самой сердцевине бури. Первым молчание нарушила Ая. Она сделала шаг навстречу, стараясь звучать на редкость просто и ясно:

– Дайте мне руку, – тихо, но уверенно сказала она, протягивая ладонь.

Вальмазер нахмурился. Его рука чуть дёрнулась, но взгляд оставался острым, подозрительным. На миг он замер; в его ауре закипали недоверие и осторожность – он слишком хорошо знал, как обманчива может быть внешность. Ая почувствовала его страхи почти кожей, уловив их в каждом напряжённом движении. Секунду поколебавшись, она обернулась, жестом приглашая Кайсуна подойти. Тот, не отводя от Тарлака колючего взгляда, шагнул вперёд и вложил свою ладонь в руку девушки.

– Видите? – ровно спросила Ая, сдержанно встречая взгляд охотника, – Твёрдая.

В её устах эти слова прозвучали одновременно и просто, и смело: она была демоном – не духом, не иллюзией, не тенью. Кайсун крепко держал её пальцы, не колеблясь, описывая взглядом остальных охотников. Ответом был короткий, удивлённый, даже издевательский, смешок Вальмазера. Он, насмешливо приподняв уголки рта и покачал головой:

– Этого недостаточно, чтобы убедить нас, – сказал он. – Если вы, действительно, невиновны, почему бы вам не прикоснуться к кристаллу? Только так вы докажете свою правоту.

За этим безразличием ощущалось иное: он был уверен, что девушка не осмелится тронуть опасную реликвию. В этом вызове слышалось и злорадство, и тайная радость. Слова охотника вызвали мгновенный отклик. Рюджин резко выпрямился, готовый что-то возразить, но Кайсун чуть сжал руку Аи, сдерживая порыв. Однако девушка осталась спокойна, чуть склонив голову, её голос был всё так же негромок, но в нём слышалась усталость:

– Ничего, – выдохнула она, глядя на Тарлака абсолютно открыто. – Я не надеялась убедить вас так легко.

Она выпрямилась, чуть улыбнулась и продолжила уже громче, чтобы слышал весь зал:

– Вы здесь, чтобы убедиться, что я не опасна для мирных жителей. Но если для вас истина – только в ваших кристаллах, разве убедят вас доводы разума?

Вальмазер склонился вперёд, его глаза были полны скепсиса и испытующей злости:

– Попробуйте. А там узнаем, – бросил он с ленивой уверенностью.

– Тогда начну с главного, – произнесла девушка, её голос эхом прокатился по коридорам: – Мороки – это тёмные сгустки энергии, живущие жаждой и инстинктами, питающиеся живой силой демонов. Я же – из плоти и крови, и вполне готова идти на компромисс.

Зал почти затаился, слушая. Слова Аи обретали вес, её спокойствие контрастировало с напряжённостью охотников. Однако Вальмазер не уступал, его голос стал настойчивей и чуть коварней:

– Ваши рассуждения звучат складно, однако, наша практика показывает, что мороки способны не только пожирать чужие души, но и взаимодействовать с их телами. Как мне быть уверенным, что вы не стали таким сосудом для паразита? И раз до того, как вы побывали на той стороне, кристаллы не реагировали на вас, то сейчас – они просто рыдают из-за вашего присутствия. Всё это говорит не в вашу пользу...

Голос его пропитал зал нотками злорадства. На лицах Кайсуна и Рюджина проступила тень гнева, но девушка, напротив, лишь чуть подняла бровь, размышляя вслух:

– Мы провели десять лет в мире, где у тел нет веса. Вы не допускаете, что энергия, которая тревожит ваши кристаллы, просто принесена мной из иного пространства – мира, где сама материя соткана из этой маны? Мы буквально питались ею, чтобы выжить. Так не очевидно ли, что она рано или поздно стала бы частью нас самих?

После этого в зале повисла напряжённая, указующая на переломный момент пауза. Придворные переглядывались, раздумывая; даже стражники выглядели неуверенно. Аргументы Аи были логичны, но решимость Вальмазера не смягчалась.

– Тогда, – холодно протянул охотник, сверля девушку цепким взглядом, – выходит, что и Кайсун, и Азарих также должны были вобрать в себя ту силу? Но реагируют кристаллы только на вас... – он улыбнулся, не скрывая едкой удовлетворённости. – Однако, должен признаться, что, действительно, впервые слышу оправдания от морока. Это почти трогательно.

Кайсун стоял, не отрывая взгляда от Вальмазера, его мышцы были напряжены до предела. Он был на грани – каждый миг мог стать последней каплей, если охотник пересечёт ту грань, за которой кончается диалог. Рюджин стоял чуть позади, но его рука незаметно легла наверх эфеса меча, взгляд был полон преданности и решимости. Азарих, молча наблюдая за происходящим, оставался невозмутим – но в глубине его взгляда замечен был застывший холод: он видел, как ловушкой смыкается безжалостная сеть сомнений. Буря вопросов, острых реплик и безмолвных обещаний сгустилась, затянув зал густым полумраком. Всё решалось здесь, сейчас: судьба девушки, честь защитников и пределы веры в таинство света и тьмы.

В зале стало тревожно душно, как перед грозой. Невидимая, почти физическая волна напряжения прыгала от стен к стенам, пронизывая их до самых балконов. Бледный свет дневного двора тонул под тяжестью взглядов – сотни глаз следили за малейшим движением, но сейчас всё внимание было приковано только к Ае. Девушка медленно провела взглядом по лицам мракоборцев. В каждом читалась неуверенность, скрытая злость, а у некоторых – застывший первобытный ужас. И лишь у предводителя не было дрожи – он был крепостью, хранящей свои тайны: кулаки сжаты, дыхание сбито, нервы натянуты, как лук. Но именно он был ключом к решению всех проблем, и если она сможет истинно переубедить его – остальные последуют за ним. Ая шагнула к нему ещё ближе, взгляд её стал пронзительным, и заговорила неожиданно просто и невинно:

– Вы боитесь? – её тихий вопрос рассёк мрак, заставив Тарлака удивлённо вскинуть брови.

На мгновение по его лицу промелькнуло что-то мимолётное, словно скрытое сомнение, но тут же исчезло за шутивной бравадой. Он внезапно прыснул в голос, грубо, даже вызывающе:

– Я всю жизнь убиваю мороков, – прогремел Тарлак, – чего мне бояться?

Ая, не моргая, смотрела ему прямо в глаза:

– Но ведь я не морок... – её голос, казалось, окутывал зал, зыбко касаясь самых невидимых сомнений. – Вы уже убедились в этом. Просто вам так сильно нравится вкус победы и крови на губах... что остановиться уже невозможно.

Её слова сорвались в гулком молчании. Кайсун заметно напрягся, его плечи выдавали готовность в любой миг ринуться на защиту. Рюджин взглядом прожигал Тарлака, но держал себя в руках.

– Неизвестное всегда пугает, – спокойно продолжила Ая. – Но не выгоднее ли нам... быть друзьями, а не врагами?

В зале будто встал мороз. На лицах мракоборцев смешалось изумление и озадаченность. Тарлак захохотал так громко, что эхо заплясало под куполами:

– Дружить? С мороком?

– Вы ведь хотите узнать, что мы нашли там, за границей этой реальности? – её голос сурово прервал Тарлака, став твёрже стали. – И чему научились...

В этот момент она ловко взглянула на Азариха, находящегося почти за спиной охотника, – взгляд умудрённый, внимательный, способный читать целые истории между двумя вздохами. Она почувствовала – ниточка заинтересованности, наконец, скользнула в душе Тарлака. Теперь он слушал.

– Не только Азарих обрёл там необычные силы, – сказала она, улыбнувшись Кайсуну. – Например, лорд Хоэн теперь способен возводить магические барьеры без печатей и кристаллов...

Ослепительно-быстрым движением Кайсун взмахнул рукой, и в воздухе перед девушкой возникла мерцающая сеть, узоры которой сияли неизвестными символами – прямо в нескольких шагах от Аи и Тарлака, как туманный, но прочный щит. По залу прокатился испуганный гул. Несколько мракоборцев инстинктивно шагнули назад, а самые храбрые потянулись к ору-

жию. Тарлак почти машинально ударил кулаком по почти невидимому барьеру – в ответ воздух загудел, но тонкая синяя рябь даже не дрогнула. Ая продолжала смотреть ему в глаза, не двигаясь, не морщась, словно была уверена, что этот барьер не сломить.

– А я... – её голос стал мягче и опаснее одновременно, дыхание на грани тайны, – теперь могу сама чувствовать мороков. И, раз уж вам нужны доказательства, скажу, что в этом зале их прячется целых шесть...

Глухой, протяжный шёпот прокатился по рядам. Присутствующие оглядывались, боясь встретиться с опасностью взглядом; страх с новой силой всколыхнул волнение. Ая приблизилась к Тарлаку вплотную, смотря колдовски прямо в его светлые глаза, голос её стал тише, почти заговорчески:

– Вы уже давно научились работать с ними сообща, – прошептала она, – но со мной дела иметь будет намного выгоднее...

На этот раз в лице Тарлака появилась не маска самоуверенного убийцы, а искреннее изумление. Было видно – её слова попали точно в цель. Он едва заметно побледнел, в его глазах мелькнула тень страха и понимания. Вспомнив про кристаллы, про их странную реакцию, охотник внезапно впервые потерял импульсивную браваду, будто понял, что перед ним – ключ к разгадке, чем просто добыча. Ая стояла перед ним уверенно и отчуждённо, теперь казавшись повелителем того самого неведомого, которого так страшились все остальные. Атмосфера в зале натянулась до предела: всё балансировало на лезвии, где страх, власть и новая правда заключали неожиданный, хрупкий союз.

В зале вновь повисла тревожная тишина – на этот раз насыщенная другими красками. Воздух вибрировал от напряжённой мысли, будто сам дворец впитывал каждое слово, каждую неосторожную интонацию участников беседы. Взгляды сотен придворных метались между Аей и Тарлаком, ловя тени великой тайны, – здесь, на виду у всех, сотрясалась непоколебимая легенда мракоборцев. Лицо Тарлака стало жёстче: в его взгляде хлынула тревога демона, чью сокровенную правду вот-вот раскроют на всеобщее обозрение. На миг он показался уязвимым, но почти сразу собрался, возвращая выражению лица властность. Громким голосом, с неожиданной резкостью, он разрубил растущую волну паники:

– Нет повода для тревоги! – прозвучало это как приказ, словно стена, отсекающая страхи. – Если бы это было правдой, кристаллы давно бы дали нам об этом знать. Не нужно сеять в душах честных демонов сомнения!

Оглянувшись по сторонам, он посмотрел прямо на Аю – и здесь, между ними, будто вспыхнуло негласное согласие. Тайна должна была оставаться тайной, иначе рухнет вся система идеалов и правил, что демоны соблюдали поколениями. Охотник медленно кивнул – едва заметно, но честно выказав признание её силы.

– Должен признать, вы меня удивили, – продолжил он уже спокойнее, – почувствовать подчинённую мракоборцами энергию... Ни один из рода демонов на это не способен. Омра-Акхаэль будет весьма заинтересован в ваших способностях. Думаю, мы найдём способ испытать и проанализировать их в наших стенах.

Это была дипломатия, тщательно выверенная игра: обе стороны хранили свои секреты, взамен получая выгоду. В зал вернулась часть прежнего порядка, напряжение слегка ослабло – но лишь на поверхности. Ая чуть склонила голову в знак согласия. В её глазах появился проблеск облегчения – теперь противостояние стало диалогом сильных, а не судом победителя и жертвы. Тарлак, взяв себя в руки, начал говорить с достоинством наставника, вынося на суд пафосные истины, за которыми пряталась суть его ордена:

– Мы многое не знаем о силе, что просачивается в наш мир сквозь тайные горизонты, – его голос был величав и проникновенен. – Долг каждого охотника – изучить её, познать и научиться обращаться с ней во благо. Разумеется, мы не могли проигнорировать весть о том, что некто побывал на той стороне и вернулся, принеся с собой частицу иных энергий.

Он выдержал эффектную паузу; почти каждый в зале слышал его идеологический посыл и чувствовал в нём силу древних традиций.

– Леди Ая, вы, вне сомнения, не морок, – произнёс он, – однако, орден должен изучить энергию, которая явилась вместе с вами. Я обязан доложить обо всём, что выяснил. А пока руководство не примет решение, девушка будет находиться под нашей стражей.

Это был вызов – на мгновение в воздухе сгустился гнев Кайсуна, его глаза сверкнули лютой ненавистью. Рюджин едва заметно шагнул вперёд, плечом защищая подругу, но Ая лёгким жестом остановила обоих. Теперь она была частью игры, которую задала сама. В этот момент Рюджин, преисполненный достоинства, заговорил:

– Это невозможно, – сказал он так громко, что слова рассекли воздух невидимой волной. – Леди Ая – важная фигура при дворе и в семье Хоэн. Вы не можете игнорировать её положение и ответственность перед нашим народом. Она и Кайсун – ключевые лица нашего дознавательного органа. Отсутствие любого из них внесёт в правосудие империи хаос. Мы не можем этого позволить.

Эти слова, пронёсшись по залу, разогнали остатки ужаса. Император поднялся, величаво и холодно смотря на Тарлака:

– Первый наследник прав, – поддержал Ронан твёрдо. – Её способность распознавать ложь спасла дворец и семьи демонов буквально вчера, когда зло попыталось проникнуть в наши стены. Императорская семья не примет ни ареста, ни ограничения свободы столь ценного дознавателя даже ради ордена Омра-Акхаэль.

Слова императора окончательно определили позиции: его голос был железным, в нём звучал опыт правителя, не боящегося столкновения с древней магической силой. В этот момент, когда решение повисло в воздухе, Ая вступила вновь:

– У меня есть предложение, – сказала она спокойно, отчасти дипломатично и примирительно. – Почему бы господину Тарлаку не приставить ко мне своих доверенных лиц? Так орден не потеряет контроля над ситуацией, а я продолжу службу империи. Совмещение интересов – во благо всем.

Границы конфликта растворились: переход от вражды к сотрудничеству был принят всеми, кто понимал истинную цену компромисса. На лице Тарлака отразилась прежняя хладнокровная решимость, но на этот раз в его глазах светился интерес, если не уважение: «Так тому и быть», – коротко бросил он и сделал знак своим подчинённым. Вслед за этими словами напряжение в зале спало; все облегчённо выдохнули, возвращая себе лица и голоса. Азарих медленно кивнул, наблюдая за исходом с пониманием и гордостью.

Когда Тарлак и его охотники покинули помещение, оставив за собой лишь отголосок старых страхов, в зале, наконец, растаяла гнетущая тяжесть – пространство вновь наполнилось дыханием жизни и тихой, сдержанной радостью. Император бросил Ае короткий одобрительный взгляд, Рюджин и Кайсун стояли рядом с ней, статью, движениями и жестами показывая: приближается другая, новая страница их истории, где свет и тьма впервые столь открыто заговорят друг с другом на языке чести, а не страха.

Внутренний двор наполнился свежим воздухом, который, казалось, слишком долго был отрезан от участников недавней драмы в тронном зале. По выложенной камнем дорожке неспешно шли Ая, Кайсун и Рюджин в сопровождении двух неприметных, но бдительных охотников. Спокойствие выдалось обманчивым: у всех троих была расплывчатая, едва заметная угрюмость на лицах, отпечаток долгого разговора и ощущения приближающихся перемен. Шёпот дворцовых придворных, сторожей и писцов, случайно оказавшихся рядом, перемешивался с пением птиц где-то вдалеке. Вдруг это напряжённое затишье разорвал звонкий голос – словно яркая вспышка жизни ворвалась в их мрачную стражу.

– Ая! – воскликнула Лана, вихрем влетая в их группу. В её движениях был нерв и искреннее беспокойство; с ходу она обняла подругу так крепко, будто пыталась выдавить из неё все страхи за одну секунду.

– Что это? – чуть не плача, тараторила она, отступая на шаг. – Два дня к тебе и подойти было невозможно! Сначала Кайсуна под конвоем увели, теперь к тебе надзирателей приставили! – Лана сверлила взглядом сопровождающих её друзей мракоборцев, не скрывая подозрения.

Ая осторожно коснулась плеча Ланы, её голос был мягок, почти убаюкивающим:

– Всё не так страшно, как кажется... – с лёгкой улыбкой начала она, – просто после нашего возвращения из мира мороков у Омра-Акхаэль появились к нам вопросы. Мы были к этому готовы.

В этот момент Танир переглянулся с Кайсуном. На мгновение между ними пробежал немой диалог, и Кайсун едва заметно кивнул, заверив друга, что ситуация находится под контролем.

– И что теперь?! – сквозь злость и заботу выплеснула Лана, близко подступая к мракоборцам. – Вы что, сейчас правда будете ходить за моей подругой по пятам и разгуливать у всех на виду? Надеюсь, хоть в ванну за ней лезть не станете, ироды?

Её возмущённый крик отразился от каменных стен и отбился в стеклянных полукружьях окон. Наполненный смехом и страхом дворец встрепенулся; даже чинные клерки остановились на ступенях, чтобы посмотреть, в чём тут дело. Кто-то сдержанно отводил взгляд, кто-то, наоборот, наблюдал с нескрываемым злорадством – ведь любовь императорской семьи и народная зависть редко бывали союзниками. Охотники бросили на демоницу тяжёлый, оценивающий взгляд, но промолчали – их наставили воздерживаться от любых разговоров вне служебных вопросов, и они исполняли приказ с каменной решимостью. В глазах Рюджина мелькнула почти незаметная улыбка: ему импонировала эта вспышка заботы и яркость Ланы. Он обратился к ней с улыбкой:

– Не волнуйтесь так, Ланеида, – сказал он, стараясь свести напряжение к шутке. – Думаю, эти двое и мысли не допускали о ваннах и уж тем более о беспокойстве для дворца.

Ая кивнула, её взгляд был полон благодарности и тепла, но за этим мерцал отблеск тревоги: даже самое непринуждённое общение теперь ощущалось под пристальным взглядом чужих – снаружи всё выглядело бурей на ровном месте, но она знала, внутри этой бури вершились вопросы жизни и судьбы. Атмосфера задышала иначе: в этом маленьком кругу появилась поддержка – открытая и неподдельная. Вокруг всё ещё бурлила смесь любопытства и осуждения, но теперь Ая будто на минуту вновь стала собой, окружённая друзьями и их громким, живым возмущением – единственным, что, действительно, связывало её с этим, всё ещё чуть-чуть тёплым, миром.

Уют и величие кабинета императора тонко перемешались с тревогой усталого дня. Пламенеющие угли в камине мерцали в отражениях полированного дерева, отбрасывая на стены неуверенные росчерки света. Здесь, в этом тесном кругу, где чужие взгляды не могли проникнуть сквозь резную дверь, напряжение отступало, уступая место усталому, но искреннему разговору. Ая, шагнув в кабинет вслед за Кайсуном и Рюджином, едва не улыбнулась, когда поймала на себе взгляд Аластора – личного слуги императора, всегда угрюмого, но сейчас особенно настороженного. Она ощутила его колючую подозрительность и едва заметно вскинула подбородок – в ней разыграл озорной дух, как у того, кто лишь подливает масла в огонь чужого раздражения. Хоть и мелочь, но это заставило девушку немного расслабиться. Двери закрылись – и привычная маска спала.

Император Ронан был на редкость серьёзен. Перед ним лежали отчёты, перо лениво покоилось вороньим крылом на пергаменте. Он кивнул им, взгляд его задержался на сыне чуть дольше обычного.

– Рюджин, – голос прозвучал спокойно, но в каждом слове скрывалась твёрдость, – оповести стражу о новых сопровождающих леди Аи. Пусть твои люди их как следует проверят.

– Я обо всём позабочусь, отец, – чётко кивнул Рюджин, выдерживая в интонации как уважение, так и солидарность. Затем с лёгкой усмешкой перевёл взгляд на Кайсуна, – Надеюсь, твоя верная тень тоже будет при деле?

– Хирон не покидал тени Аи ни на шаг со вчерашнего суда, – твёрдо ответил Кайсун. – Он будет следовать за ней, пока всё не уляжется. Важно не дать ни малейшего шанса подозрительным личностям сделать сейчас хоть какой-либо невыгодный для нас ход.

В кабинет вползла короткая, многозначительная пауза. За стенами слышался глухой шум дворцовых коридоров и приглушённые голоса, но здесь это казалось призраком иного мира.

– И что теперь? – чуть напряжённо спросил Рюджин уже у Аи, голос его звучал тихо, будто он боялся даже тени, за которыми могли прятаться недоброжелатели. – У вас есть план, как избавиться от назойливой слежки?

Прежде чем она ответила, император вмешался, понизив голос и введя разговор в более настороженное русло:

– После сегодняшнего орден не спустит с нас глаз, – напомнил он. – Следите за своим окружением. Мы не можем позволить ни одному шпиону проникнуть в наши ряды. С этого момента жизни невинных могут стать для нас платой за ошибку.

Ая склонила голову в знак согласия, позволив себе несколько мгновений для взвешенного ответа. Её голос был спокоен, но напряжённая жилка дрожала даже в её мягкости:

– Сейчас ситуация под контролем, – проговорила она, мельком взглянув на каждого. – Я почувствовала негативные намерения Аластора. Если он как-то связан с орденом, то сейчас для него настанет самый удобный момент, чтобы действовать. Когда во дворце столько посторонних, ему легче всего будет остаться незамеченным. Мы должны за ним проследить.

Ронан удовлетворённо кивнул; даже этот суровый и усталый демон мог позволить себе отблеск гордости за решимость своей команды.

– Нам стоит отдохнуть, – осторожно продолжила Ая, будто полагая, что предстоящая буря будет сильнее, чем ранний бой. – Мракоборцы скоро вновь дадут о себе знать, а до тех пор – важно вести себя согласно положениям. Не дадим им ни одного повода для новых подозрений.

– Думаете, они пойдут на контакт? – спросил Рюджин, в его взгляде скользила и тревога, и затаённая надежда на компромисс.

– Я почти открыто намекнула Тарлаку про истинную природу их кристаллов, – ответила Ая, задумчиво обведя взглядом старинные гобелены и портреты на стенах. – Он непременно донесёт это до высших. Тогда они решат: слишком ли я опасна, чтобы оставлять меня в живых, или же слишком полезна, чтобы упустить. Я лишь надеюсь, что любопытство демона, открывшего путь в мир мороков, окажется сильнее его страхов – он не упустит шанса встретиться с их разумным возможным представителем лично... И мы будем к этому готовы.

В кабинете воцарилась тяжёлая, вязкая тишина. За окнами медленно тянулись сумерки, отражая утомлённость, которая пронизывала каждого в комнате. Эти мгновения единства были по-настоящему редки и ценны: никто не скрывал растерянности и усталости – каждый понимал цену возможной ошибки и тяжесть уже принятых решений. Все молча кивнули. Невысказанная решимость связывала их больше слов. Вечер за стенами кабинета обещал затишье брожения, перед которым всегда рождается иная буря – но пока они были вместе, страхи уходили, уступая место заботе друг о друге и готовности встретить всё, что принесёт завтрашний день.

Во дворце установилась новая, непривычная жизнь – будто бы в его стены и коридоры проник невидимый мороз. Все перемещения Аи теперь сопровождало неотступное внимание мракоборцев: эти двое, одетые в закрытые серо-лазурные одеяния с неизменно мерцающими кристаллами на поясе, стали неотъемлемой частью не только досужих разговоров, но и самого дыхания дворцовых будней. Их шаги звучали за спиной девушки в любой час, они стояли у двери её покоев по ночам, сопровождали на собраниях и выездах, смотрели сдержанно и настороженно, не позволяя себе ни лишнего слова, ни уклончивого взгляда. Ая теперь почти не оставалась одна – случайная тишина обрела для неё особую цену, а каждый шаг казался взвешенной частью великой игры. Иногда она ловила на себе пристальные взгляды слуг и придворных, напрягавшихся при виде зачарованных кристаллов. По вечерам, когда тени сгущались на мозаичных полах, она будто ощущала, что где-то за их спинами по-прежнему тянутся тонкие нити заговоров, в которых она всего лишь наживка.

Впрочем, новые порядки быстро вошли в привычку. Даже самые упрямые из князей и министров поняли: мракоборцы никуда не исчезнут, и если не вступать с ними в открытый конфликт, они ничем не помешают их обычной жизни. А для кого-то их присутствие стало даже удобным – стража из ордена была веселее и устойчивее некоторых скучных советников. Слуги обходили дозорных стороной, а в расписаниях утренних приёмов не забывали делать пометки о «сопровождающих» леди. И пока всё внимание было устремлено к Ае, её друзья получили неожиданную свободу. Все важные встречи дознавателей и тайные вылазки Кайсуна с Таниром проходили если не бесследно, то точно вне поля зрения охотников. Даже загадочный Хирон, чья невидимая защита всегда была рядом с девушкой, теперь свободно перемещался в тени дворцовых стен вместо неё, не тревожа подозрительных гостей.

Но главным символом дворца оставались, конечно же, слухи. Они разносились по Тан'Кай, обрастая новыми слоями каждую ночь. Кто-то в столице твёрдо был уверен: Ая – не просто демон, а тайное дитя кого-то из приближённых к императору. Другие уверяли – она изгнанная ведьма, которая теперь хочет возродить древний род среди демонов. На рынках шептались: лорда Хоэна заковали в цепи из-за того, что он отказался выдать леди замуж за принца. А в чайных лавках смаковали, что девушка готовит заговор против самой императорской семьи, и мракоборцы теперь на её стороне.

Все эти домыслы питались недосказанностями. Никто не знал, почему на самом деле лорд Хоэн исчез на несколько дней из поля зрения знати, почему Рюджин теперь так непривычно сдержан и молчалив, и как с этим связана внезапная, но короткая изоляция дворца сразу после дня рождения принца. Странные огни, замеченные в западном крыле ночью перед судом, только добавили масла в огонь. Когда поодаль вновь кто-то слышал новые имена или вопросы стражи, в воздухе словно шуршала невидимая сеть тайн. Ни одна новость не выживала и дня: злые языки спешили переиначить всё услышанное. К утру с новыми силами обсуждались всё более острые вопросы: кому теперь доверять и может ли дознавательный орган теперь считаться нейтральным, если даже на императорских заседаниях леди Ая сидит в сопровождении мракоборцев, а наследный принц защищает её от заговоров знати так, словно имеет на это личное право?

Когда вслед за этими тревогами наступали сумерки, дворец становился совсем другим. На верхних этажах служители поспешно гасили лампы, старшие советники с усталостью забирали бумаги в сундуки, а у каждого, кто хоть раз прошёл мимо дверей, ведущих к покоям Аи, торопливо опускался взгляд. Гулкие шаги охотников и чуть слышные ночные разговоры её друзей под маской тишины – вот и вся жизнь, на которую теперь был обречён этот живой, тревожный и одновременно изумительно величественный дворец. И все, даже не зная подробностей, чувствовали: главная буря только впереди, а пока каждый здесь подстраивался к новым

правилам – под непримиримым светом мерцающих кристаллов и шёпотом теней, горделиво живущих в старых коридорах императорских чертогов.

Когда Ая ступила в покои императрицы, зал встретил её тёплым, но глухим полумраком. В углу мягко потрескивал камин, и огонь на миг подсветил парящую в воздухе изморозь – первые холода тихо опускались на город и дворцовые крыши. Всё здесь говорило о заботливом уюте, о покое, который во внешнем мире было так трудно удержать. В кружках дымился лекарственный чай с тонким запахом трав, а портеры плотно задёрнули, чтобы ни зябкий ветер, ни ненужные взгляды не тревожили этот хрупкий островок уединения. Ая почувствовала дрожь в душе хозяйки апартаментов раньше, чем встретилась с ней взглядом. Илария сидела у низкого столика, ладони сжаты в нервном жесте, глаза то и дело искали опору – но не решались задержаться ни на фигурках фарфора, ни на отблесках пламени. Короткая, тяжёлая тишина повисла в воздухе, пока обе женщины рассматривали друг друга почти как чужие – и вместе с тем самые близкие в этом мире. Где-то вдалеке, за двойными дверями, осталась стража, слуги, бесстрастные фигуры мракоборцев – все они, казалось, были частью совершенно иного мира.

Ая первой нарушила молчание, улыбнулась мягко – наваждение промелькнуло в её взгляде:

– Уклончивость вам не присуще, – произнесла она, чуть склонив голову, будто приглашая к честному разговору. – Не бойтесь расстроить меня, Ваше Величество. Я готова к любому вашему вердикту.

Императрица долго смотрела ей в глаза, почти не мигая, а потом, наконец, позволила себе вздохнуть чуть свободнее. В её голосе прозвучали трогательные, трескучие нотки памяти:

– Помню, как впервые увидела тебя... Таковую юную, открытую. Я сразу подумала: как же будет жаль, если дворянская жизнь сломает тебя или испортит. – Она улыбнулась сквозь слёзы воспоминаний. – Я так радовалась, что здесь, наконец, появился кто-то, с кем я могу говорить открыто... Потому сейчас никак не могу понять, как всё дошло до такого...

В её интонациях ясно звенела тревога и глубокая, почти материнская грусть. Тени пола дрожали на её лице, когда она, словно исповедуясь, продолжала:

– Мне страшно, Ая. Император едва не покинул меня... Я была готова к худшему. Но появились вы с Кайсуном – и всё во дворце вдруг превратилось в фарс или дурной сон... Ронан молчит, Рюджин тоже отащился от меня... Каждую ночь я ворочаюсь без сна, сердце рвётся от вопросов и бессилия... – Илария, наконец, позволила себе не сдерживать слёзы. Они текли по щекам, предательски сверкая в бликах огня.

Ая подалась вперёд, до конца ощущая всю тяжесть этих слов, пересаживаясь к императрице поближе. Она осторожно обняла Иларию, сжала её дрожащую ладонь, позволяя ещё одной женской душе скинуть сдерживающие её оковы в этом защищённом уголке искренности.

– Я понимаю ваши тревоги, Ваше Величество, – сдержанно и тепло начала Ая. – Всё это время судьба испытывала вас на прочность, и вы хранили стойкость в одиночку. Но, поверьте, император, как никто другой, жаждет защитить вас от бед... С ним – Рюджин, и они делают всё возможное, чтобы их любимые не тревожились и не страдали. Вы – сила этой семьи, её сердце, без которого всё может развалиться в любой момент. Поверьте, именно благодаря вам они сражаются так упорно и жадно с врагом, что таится в тени.

Она ласково погладила Иларию по руке, ощущая, как ком её отчаяния постепенно расплзается, уступая место облегчению. В этот момент все слухи, всё недоверие, окружавшее девушку, исчезли из сознания императрицы – осталась только хрупкая, но искренняя благодарность за нужные слова.

– Обещаешь сообщить мне, если дела выйдут из-под контроля? – спросила вдруг Илария строгим, полным внутренней силы тоном, придвигаясь ещё ближе. – Если понадобится помощь, только скажи. Я без колебаний исполню любую просьбу.

Ая улыбнулась, чуть склонив голову по-девичьи нежно. Она посматривала на Иларию с пониманием и уважением – знала, как дорого было этой женщине отдавать власть чувствам, и как опасно во дворце было быть слишком открытой. Этот разговор, наполненный тяжестью и исцеляющим теплом, дал обоим женщинам редкое, но ценное утешение. Для Аи этот вечер стал важным напоминанием: во дворце живут не только интриги и страх, но и судьбы, жаждущие поддержки и милосердия. Даже в самых роскошных стенах, здесь, оставалось место для простой, душевной близости.

За окнами сгущались ранние зимние сумерки, в покоях императрицы царила камерная, почти забытая интимность женской беседы. Блики тёплого пламени играли на фарфоровых чашках, тяжёлая парча на портьерах глушила все звуки шумного дворца, оставаясь верной хранительницей их тайн. Ая устроилась у низкого чайного столика напротив Иларии, ощущая сладкую усталость и облегчение после долгого разговора по душам, какого им обоим давно не хватало. Наконец, в воздухе разошлась нотка доверия – императрица могла позволить себе говорить, не взвешивая каждое слово, а Ая – забыть на миг об осторожности.

– У меня есть к тебе вопрос, – уже спокойным, почти доверительным голосом сказала Илария, наливая себе ещё чая. – касаясь слухов, что ходят о тебе...

Ая улыбнулась, чувствуя, как напряжение вместе с огнём уходит в песок:

– Их так много, Ваше Величество, что потребуется конкретика, – с игривой улыбкой отозвалась она, пряча в тени чашки искреннее любопытство.

Императрица на миг задумалась, но всё же решилась:

– Я о ваших с Рюджином отношениях.

Этот вопрос чуть оттенил лицо Аи неожиданной растерянностью, но она тут же ответила, искренне смеясь:

– Мы друзья. Добрые соратники, – сказала она тепло, с лёгкой улыбкой, в которой была и благодарность, и настороженность.

Илария взглянула на неё с нежным лукавством в глазах:

– Я таких перемен в нём никогда не видела... Мой мальчик всегда искал только битв и трудностей, потому и представить его женатым я всё никак не могла, – она мечтательно улыбнулась. – Я сама вышла за Ронана по договорённости, и была уверена, что сын пойдёт той же дорогой, но всё же боялась, что он станет несчастлив в браке, будет отстранённым... Но ты всё изменила. Вокруг тебя все демоны становятся другими, будто под заклятием. Дело ли в тебе самой, или же в этой особой силе... это не важно...

Ая, понимая её тон, покачала головой с весёлой улыбкой:

– Я по-прежнему верна своему выбору, – произнесла она деликатно, давая понять, что не откажется от прежних чувств. – Но бесконечно рада, что принц на нашей стороне. В качестве врага он был бы просто невыносим.

Этот ответ разом рассмешил Иларию – звонко, заразительно, громко, как могла смеяться только счастливая мать:

– Он всегда был невыносимым! – подтвердила она, вытирая уголки глаз. – Я поняла, что он особенный, когда в пять лет его дар вырвался наружу... Представь: грохот, горит вся комната, слуги тушат пожар, а я рвусь туда едва живая от страха. Тут прибегает мой голый мальчик – и счастья на его лице больше, чем страха у меня! Весь в копоти, но в диком восторге от пламени вырывающемся у него изо рта!

– Какой кошмар, – рассмеялась Ая, воображая всю ту сцену, будто ожившую сказку наяву.

Смех отзвучал, и разговор увёл их в прошлое, которое становилось всё ближе и открытее.

– Гибель родителей Кайсуна стала ударом и для меня с Ронаном. Но, странным образом, я была рада, что в нашем дворце появился ещё один ребёнок, и для Рюджина началась новая

жизнь. С Кайсуном они были, как братья – оба с необычными способностями, они разрушали тренировочные залы до основания, мерясь своими силами... – в голосе императрицы звучала уже не грусть, а светлая ностальгия. – Мать Кайсуна была троюродной сестрой Ронана. Пусть и дальней, но он был частью нашей семьи. Поэтому мы не отдали мальчика сторонним родственникам, а взяли его под своё покровительство.

Ая слушала, затаив дыхание. Её глаза потеплели от волнения, в душе отзывались эхом трагедии и радости, сплетённые в общий многоголосый хор дворца. История, о которой Илария повествовала с простотой матери, казалась древней легендой – но так живо касалась каждого их нового дня.

– Я рада, что в вас соединились редкая смелость и душевная тонкость... – Илария с нежной благодарностью протянула руки и коснулась ладони Аи. – Ты стала не только надеждой Кайсуна, но и частью нашей семьи. Я бы, конечно, мечтала однажды наречь тебя женой моего сына... но во всём важна искренность. Я уважаю твой выбор. Не позволю никому вмешиваться в него – даже себе.

Эти слова были дороже любой клятвы. Ая посмотрела в глаза женщине, от которой исходил весь свет дворца, и тихо наклонилась в знак благодарности. В этот миг между ними возник невидимый мост доверия – редкая тихая гавань среди бесконечных бурь, штормов и выпавших на долю судьбы испытаний. Этим вечером их дружбу уже не могли поколебать ни интриги, ни страхи, ни громкие сплетни: на этом кусочке света в сердце угрюмых чертогов было место только живой, искренней теплоте.

Спустя какое-то время Ая получила неожиданное приглашение в личные покои принцессы Селесты на чай. После суда над Кайсуном многое в стенах дворца подверглось изменениям. Личную служанку, которую выставили виновной в клевете, сослали из дворца – для прислуги – это было страшнее смерти: позор для семьи и родного города. Селеста же была наказана императором, ей строго запретили покидать свой дворец и встречаться с Кайсуном. Теперь её единственным заданием было переписывание старых учебных трактатов и трудов. Ая почувствовала в её приглашении некую подозрительность, но всё же приняла его.

Покои принцессы Селесты были пронизаны изысканностью и холодом. Мороз этот шёл не только от первых ночных снегопадов за окнами, но и от самой хозяйки комнаты. Стены, казалось, вобрали все переживания, недовольства и обиды, что за последние недели наполняли эти покои шёпотом непрошенных слёз и сплетен. Здесь не было того душевного уюта, что Ая недавно ощущала рядом с императрицей, а, напротив, царил другая атмосфера: сдержанная, напряжённая, будто в воздухе вот-вот должна была вспыхнуть драгоценная, но опасная искра.

Ая вошла уверенной походкой, прекрасно ощущая вибрацию недовольства, исходящую от Селесты. Принцесса сидела у чайного столика, спина прямая, каждая складка платья выдавала её внутреннюю жёсткость. Глаза упрямо блестели – в них плескалась ревность, досада и уязвлённое достоинство её не только как принцессы, но и как девушки. Но в её позе всё равно была гордость, за которую та отчаянно держалась из последних сил. Ая учтиво поприветствовала принцессу, и та пригласила её к чаю.

– Я рада, что ты всё же пришла, – ледяной тон принцессы пытался не выдать её истинные чувства, но голос всё же дрожал едва заметно. – Пусть нас и нельзя назвать подругами, но обстановка во дворце... всё же не должна располагать к одиночеству и размолвкам. Как ты знаешь, сейчас мне запрещено покидать эти стены, поэтому я хотела расспросить тебя о делах, творящихся снаружи.

– Одного только не могу понять, – с лёгкой, игривой улыбкой начала Ая, поставив чашку на изысканный сервиз, – почему ваш выбор пал именно на меня? Уверена, ваши подданные носят вам новости, как чай – с утра до вечера.

– Этот чай разбавлен слухами о тебе больше, чем листьями, – отрезала Селеста, с нервным вдохом. – Отец и Рюджин обходят меня стороной, матушка всё больше занята твоим обществом, а Айрану и вовсе нет дела до дворцовых разбирательств. Саймона ведь тоже сослали в командировку по заставам. Вот и получается, что кроме тебя, мне больше не с кем сплести толком и двух слов.

В её голосе прозвучала не только злость, но и глухое отчаяние одинокого и гордого сердца, оказавшегося в ловушке. Ая мысленно отметила эту слабость и даже посочувствовала ей, всё же продолжая остро ощущать свою власть в этой ситуации.

– Не кажется ли вам, что вы сами стали тому виной? – прозвучал вопрос Аи мягко, но с укором, припомнив ей скандал, что дворцу пришлось пережить по вине принцессы.

Селеста вздрогнула, щёки порозовели от стыда и злобы:

– Как будто мне этого не хватало в наказание! – вспыхнула она, сжимая чашку так, что задрожали тонкие пальцы. – Если бы не ты, не сидела бы я здесь одна! Так что, будь добра, теперь развлекать меня, раз влезла в мою жизнь!

Её слова звучали не как просьба – как вызов: в каждом взгляде плескалась ревность, а губы едва заметно дрожали. Она смотрела на Аю, как на ту, кто совершенно незаслуженно отняла у неё единственную страсть, единственный шанс быть любимой, влиятельной и нужной. Ая, напротив, оставалась спокойной – в её глазах светилась выдержка девушки, слишком много раз пережившей подобные сцены. Она наклонилась вперёд, взгляд её стал пронзительным, почти вызывающим:

– Может, поговорим откровенно, Ваше Высочество? – уже без лукавства спросила она. – Я знаю, как сильно вас терзают чувства к Кайсуну... Поэтому скажу прямо: вы не получите его, что бы ни задумали. Все ваши уловки – прозрачны для меня, как лужа, я всегда буду на два шага впереди вас. Оставьте свои игры и перестаньте жить в плену несбыточных ожиданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.